

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СОВЕТ**

Distr.
GENERAL

E/CN.4/2006/98
28 December 2005

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
Шестьдесят вторая сессия
Пункт 17 предварительной повестки дня

ПООЩЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

**Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека
и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина***

---

* Сноски распространяются только на том языке, на котором представлен документ.

Резюме

Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартин Шейнин настоящим представляет Комиссии свой первый доклад. В главе I приводится краткая информация о деятельности Специального докладчика с того момента, как он приступил к осуществлению своего мандата в августе 2005 года в соответствии с резолюцией 2005/80 Комиссии. В главе II приводится обзор направленных Специальным докладчиком сообщений и полученных им ответов правительств за период с 15 августа по 15 декабря 2005 года. Резюме всех сообщений содержится в добавлении к настоящему докладу (E/CN.4/2006/98/Add.1). В главе III излагаются некоторые предварительные замечания Специального докладчика в отношении элементов определения терроризма в привязке этого вопроса к мерам по борьбе с терроризмом, соответствующим стандартам в области прав человека. В главе IV содержится анализ роли прав человека при рассмотрении докладов государств-членов Контртеррористическому комитету Совета Безопасности и предлагаются возможные формы сотрудничества между Специальным докладчиком и Контртеррористическим комитетом. В главе V в краткой форме излагаются соображения Специального докладчика по отдельным важным вопросам, требующим дополнительного рассмотрения в последующих докладах. В главе VI содержатся выводы.

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
Введение.....	1 - 3	4
I. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА.....	4 -20	5
II. СООБЩЕНИЯ.....	21 - 26	9
III. СООБРАЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ "ТЕРРОРИЗМА"	27 - 51	10
IV. РОЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДОКЛАДОВ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОМУ КОМИТЕТУ (КТК) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВО С КТК.....	52 - 64	20
V. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ПОДПАДАЮЩИЕ ПОД МАНДАТ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА	65 - 72	28
VI. ВЫВОДЫ.....	73 - 74	31

Введение

1. Мандат Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом был установлен Комиссией по правам человека в ее резолюции 2005/80 от 21 апреля 2005 года. Мартин Шейнин вступил в должность Специального докладчика 8 августа 2005 года. Настоящим он представляет свой первый доклад Комиссии в соответствии с упомянутой резолюцией.
2. Специальный докладчик обращает внимание Комиссии на свой промежуточный доклад Генеральной Ассамблее, представленный в соответствии с подпунктом f) пункта 14 резолюции 2005/80 Комиссии, в котором он воздал должное подготовительной работе, проделанной независимым экспертом по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Робертом К. Голдманом¹, и изложил концептуальные рамки мандата, предусмотренного резолюцией, а также вопросы, которыми он намеревается заняться в течение своего срока пребывания в должности. Он отметил четыре основные особенности своей работы, а именно: ее *дополнительный характер* по отношению к другим специальным процедурам, т.е. необходимость уделять особое внимание областям, не охваченным мандатами уже существующих процедур; *всеобъемлющий характер*, который диктуется общей ссылкой на "права человека и основные свободы" в названии мандата; *упреждающий характер* с упором на применение комплексного подхода на основе уделения особого внимания законодательным вопросам, выявлению передовой практики и диалогу с такими сторонами, как правительства, а также международные органы и неправительственные организации; и *тематический подход*, означающий намерение Специального докладчика дополнить свою работу по отдельным странам тематическими исследованиями по основным вопросам в области защиты и поощрения прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом.
3. В главе I приводится краткая информация о деятельности Специального докладчика в 2005 году с момента начала осуществления им своего мандата. В главе II содержится обзор направленных Специальным докладчиком сообщений и полученных им в этой связи ответов правительств за период с 15 августа по 15 декабря 2005 года. Краткое изложение всех сообщений приводится в дополнении к настоящему докладу (E/CN.4/2006/98/Add.1). В главе III Специальный докладчик делится своими мыслями по вопросу об определении "терроризма" с точки зрения желательности принятия согласованного на международном уровне определения или последствий отсутствия такого определения для мер по борьбе с терроризмом, соответствующих стандартам в области прав человека. В главе IV содержится анализ роли прав человека при рассмотрении докладов государств-участников Контртеррористическому комитету Совета Безопасности и излагаются возможные формы

сотрудничества между Специальным докладчиком и Контртеррористическим комитетом. В главе V в краткой форме излагаются размышления Специального докладчика по отдельным важным вопросам, которые потребуют дополнительного рассмотрения в последующих докладах. В главе VI содержатся выводы.

I. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА

4. Специальный докладчик хотел бы информировать Комиссию о работе, проделанной им со времени вступления в должность. Что касается посещения стран, то Специальный докладчик хотел бы сообщить, что он направил просьбы о посещении следующим странам: Египет, Малайзия, Тунис, Турция и Филиппины. Специальный докладчик с удовлетворением отмечает тот факт, что 14 декабря 2006 года Турция направила ему приглашение посетить страну в феврале 2006 года (см. пункт 18 ниже).

5. Во время посещения Женевы в связи с инструктированием по вступлению в должность 11-14 сентября 2005 года Специальный докладчик встречался с руководителями отделов и других соответствующих подразделений Управления Верховного комиссара по правам человека для налаживания четкой координации, с представителями ряда неправительственных организаций, в частности организации "Международная амнистия", Всемирной организации против пыток, Ассоциации за предупреждение пыток и Международной комиссии юристов, а также с представителями нескольких постоянных представительств в Женеве, в частности представительств Мексики, Норвегии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Туниса, Филиппин и Финляндии.

6. По просьбе Комитета конституционного права парламента Финляндии Специальный докладчик (в качестве научного работника) дал 11 октября 2005 года письменное юридическое заключение по правительственному законопроекту, касающемуся нового соглашения о выдаче между Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки, и поправкам к двустороннему договору о выдаче между Финляндией и Соединенными Штатами 1976 года. В этом качестве Специальный докладчик выразил обеспокоенность в связи со статьей 12 Договора между Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки и предлагаемой поправкой к статье 20 закона между Финляндией и Соединенными Штатами, поскольку они, как представляется, легализируют практику "чрезвычайной выдачи" и использования воздушного пространства и даже аэропортов Финляндии для перевозки лиц, помимо их воли, из одной третьей страны в другую третью страну без требования о том, чтобы такая перевозка служила цели привлечения соответствующего лица к ответственности.

7. 11 октября 2005 года у Специального докладчика состоялся ряд встреч в Совете Европы в Страсбурге. Он встречался с Генеральным секретарем Совета Европы Терри Дэйвисом, Директором по правам человека Джейн Динсдейл, Комиссаром по правам человек Альваро Хиль-Роблесом, Генеральным директором департамента по правовым вопросам Ги де Велем. В ходе этих встреч Специальный докладчик рассказывал о своем мандате и поднимал ряд таких вопросов, представляющих общий интерес, как руководящие принципы Совета Европы в отношении прав человека и борьбы с терроризмом, права потерпевших и вопросы, связанные со статьей 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года ("открытое подстрекательство к совершению преступления терроризма").
8. 12 октября 2005 года Специальный представитель встретился в Женеве с Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека Луизой Арбур для обсуждения своего мандата и путей сотрудничества с Верховным комиссаром и ее Управлением.
9. 24 октября 2005 года Специальный докладчик встретился с представителями Контртеррористического комитета Совета Безопасности в Нью-Йорке. Он рассказал о возможных областях сотрудничества и ответил на вопросы членов Комитета о том, как он намерен осуществлять свой мандат. В рамках этой встречи он общался с сотрудниками Исполнительного директората Контртеррористического комитета (ИДКТК), с которыми он обсудил возможные направления сотрудничества.
10. 26 октября 2005 года Специальный докладчик представил свой доклад Генеральной Ассамблее. В ходе своего выступления он рассказал об основных особенностях своего мандата и пояснил, как он намеревается осуществлять его на основе применения комплексного подхода с упором на законодательные вопросы и с дополнительным рассмотрением отдельных заявлений потерпевших, утверждающих, что их права человека нарушены. После выступления он организовал пресс-конференцию. 25 и 26 октября 2005 года Специальный докладчик встречался с представителями ряда правительств, выступил на семинаре по вопросу о реформе процедур Организации Объединенных Наций в области прав человека, который проводился в Институте Якоба Блауштейна по поощрению прав человека, и встречался с представителями правозащитной организации "Хьюман райтс уотч" и организации "Главное внимание - правам человека" в Нью-Йорке.
11. 10 октября 2005 года в Турку, Финляндия, Специальный представитель встретился с Временным поверенным в делах посольства Соединенных Штатов Америки в Финляндии г-жой Эми Хаятт и другими его сотрудниками. Основное внимание в ходе этой встречи было уделено мандату Специального докладчика и другим тематическим вопросам,

представляющим взаимный интерес. Следующее обсуждение состоялось 12 декабря 2005 года, в ходе которого рассматривались вопросы экстратерриториального применения правозащитных договоров в условиях борьбы с терроризмом.

12. 20 и 21 ноября 2005 года Специальный докладчик принял участие в конференции на тему "Международная борьба против пыток: Гуантанамо, Баграм и далее", организованной двумя неправительственными организациями "Реприв" и "Международная амнистия". Он рассказал о международных механизмах предотвращения злоупотреблений в области прав человека в ходе борьбы с терроризмом и конкретно остановился на мандате нового Специального докладчика.

13. 21 и 22 ноября Специальный докладчик посетил Лондон, где встретился с сотрудниками министерства внутренних дел и министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства для обсуждения его мандата и нынешнего проекта закона о мерах по борьбе с терроризмом. В ходе обсуждения были, среди прочего, затронуты вопросы, касающиеся сферы допускаемого международным правом судебного надзора в случае продолжительного содержания под стражей без предъявления обвинений, возможного использования другими правительствами воздушного пространства и аэропортов Великобритании для осуществления "чрезвычайной выдачи" лиц, подозреваемых в терроризме, вопрос дипломатических гарантий при выдворении или выдаче отдельных лиц из Соединенного Королевства в страны, в которых, как сообщается, в ходе допросов применяются пытки, и опыт Великобритании в поощрении многокультурной интеграции и диалога между различными этническими и религиозными группами. В ходе этих встреч Специальный докладчик признал, что многие из вопросов, затронутых в его письмах от 1 сентября и 3 октября 2005 года, были улажены в ходе законодательного процесса. Он указал, что его тревожит использование концепции "неосторожность" применительно к подстрекательству к терроризму и то обстоятельство, что любая организация может быть запрещена по причине "прославления" террористических актов. Он просил дать дополнительные разъяснения по ряду других вопросов. Он выражает признательность правительству Соединенного Королевства за предоставление запрошенной дополнительной информации, которую он намерен рассмотреть более обстоятельно.

14. В ходе посещения Лондона Специальный докладчик встретился также с представителями неправительственных организаций "Международная амнистия" и "Justice" и обсудил с ними вопросы, касающиеся борьбы с терроризмом в различных странах, юридические вопросы, возникающие в связи с его мандатом, и области и методы сотрудничества.

15. Специальный докладчик участвовал 30 ноября и 1 декабря 2005 года в работе совещания Целевой группы Организации Объединенных Наций по осуществлению мероприятий по борьбе с терроризмом, на котором обсуждался вопрос о том, каким образом реализовать предложение Генерального секретаря о разработке стратегии борьбы с терроризмом для содействия обсуждению государствами-членами комплексной, координируемой и согласованной деятельности по борьбе с этим явлением. Было принято решение о том, что Специальный докладчик будет координировать деятельность рабочей группы по вопросам прав человека, которая была создана в ходе совещания.

16. 8 декабря 2005 года Специальный докладчик выступил на совещании, посвященном сороковой годовщине Финского совета по делам беженцев, и рассказал о воздействии терроризма и борьбы с ним на реализацию прав человека беженцами и лицами, ищущими убежище. В этой связи у него состоялась непродолжительная встреча с Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев г-ном Антонио Гутерресом. 15 декабря 2005 года Специальный докладчик встретился в Женеве с представителями Департамента международной защиты УВКБ и обсудил с ним вопросы, представляющие общий интерес, и возможные области сотрудничества.

17. 9 декабря 2005 года, накануне Дня прав человека, Специальный докладчик совместно с 32 экспертами по правам человека из системы Организации Объединенных Наций опубликовал заявление о полном запрещении пыток, в котором говорится, что смысл прав человека состоит в том, что они представляют собой минимальные стандарты, которые должны соблюдаться государствами при всех обстоятельствах, особенно при возникновении новых ситуаций.

18. 14 декабря 2005 года Специальный докладчик встретился с сотрудниками Постоянного представительства Турции при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве, и в ходе этой встречи ему было объявлено, что правительство Турции приглашает Специального докладчика посетить Турцию в феврале 2006 года. Во время этой встречи речь шла о мандате Специального докладчика и круге его полномочий, а также о конкретных обстоятельствах его визита. В этой связи Специальный докладчик подчеркнул, что он руководствуется комплексным подходом и заинтересован в оценке правовой ситуации, в частности в разработке определения терроризма и связанных с ним преступлений, а также в рассмотрении таких практических вопросов, связанных с борьбой с терроризмом, как подготовка сотрудников правоохранительных органов, судебные разбирательства и содержание под стражей лиц, подозреваемых в совершении террористических актов. Посол Турции подчеркнул, что его страна намерена продемонстрировать Специальному докладчику успехи, достигнутые Турцией в области прав человека за последние годы, в конкретном контексте ее опыта борьбы с

терроризмом. Специальный докладчик хотел бы выразить признательность правительству Турции за оперативное приглашение и выражает надежду на то, что его исследовательский визит в эту страну будет успешным.

19. Встреча с представителями Международного комитета Красного Креста была намечена на 16 декабря 2005 года. 19 декабря 2005 года в Вене Специальный докладчик встретился с сотрудниками Сектора по предупреждению терроризма Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, а также с сотрудниками, ответственными за осуществление Плана действий по борьбе с терроризмом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. В числе вопросов, которые Специальный докладчик намеревался обсудить, были международные и национальные определения терроризма и будущая деятельность Целевой группы по осуществлению мероприятий по борьбе с терроризмом в области прав человека в рамках всеобъемлющей стратегии борьбы с терроризмом.

II. СООБЩЕНИЯ

20. Что касается сообщений, направленных правительствам, то Специальному докладчику известно о событиях и предложениях в законодательной области в ряде государств - членов Организации Объединенных Наций, кроме того, он получает сообщения о нарушении основных свобод и прав человека в ходе деятельности, которая, как утверждается, является борьбой с терроризмом, из целого ряда достоверных источников, в том числе от международных правительственных и неправительственных организаций. В период с сентября по декабрь 2005 года Специальный докладчик в рамках своего мандата самостоятельно или совместно с другими специальными докладчиками направил сообщения 11 государствам.

21. Во всех направленных сообщениях Специальный докладчик подчеркивал, что он сознает тот факт, что обязательство государств защищать и поощрять права человека требует от них принятия эффективных мер для борьбы с терроризмом и что государства должны обеспечивать, чтобы любые меры, принимаемые в этих целях, не противоречили их обязательствам по международному праву, особенно международным стандартам в области прав человека, беженскому и гуманитарному праву.

22. Что касается новых законов или предлагаемых поправок, касающихся борьбы с терроризмом, то Специальный докладчик запросил у правительств Египта, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Туниса и Филиппин всеобъемлющую информацию на этот счет, иногда с конкретными вопросами, касающимися содержания того или иного закона, о котором ему стало известно.

Специальный докладчик задал также вопросы правительству Египта о введении чрезвычайного положения, а правительству Соединенного Королевства - о террористах-смертниках. Он весьма признателен правительству Соединенного Королевства за оперативный ответ. Время представления ответов другими упомянутыми государствами истекло, и Специальный докладчик с разочарованием отмечает, что ответа о них до сих пор не поступило.

23. Что касается утверждений о нарушениях прав человека, доведенных до его сведения, то Специальный докладчик связывался с правительствами Малайзии (в отношении закона этой страны 1960 года о внутренней безопасности и полномочий, касающихся предварительного содержания под стражей без предъявления обвинения), Таджикистана (в отношении судебного процесса над одним представителем оппозиции и средств получения доказательств, используемых в этом суде), Соединенных Штатов Америки (в отношении заключенных на военной базе Гуантанамо и якобы существующих тайных мест содержания под стражей) и Узбекистана (в отношении проходящих судебных разбирательств и различных связанных с этим вопросов). Он выражает признательность правительству Таджикистана за оперативный ответ и намерен рассмотреть этот ответ после завершения его перевода. Он принимает к сведению пресс-релиз Узбекистана. Он не получил ответа от Малайзии и Соединенных Штатов Америки.

24. В корреспонденции, направленной в прошлом месяце Индонезии, Иордании, Йемену и Соединенным Штатам Америки, были заданы вопросы, касающиеся обращения с лицами, содержащимися под стражей, и допроса двух подозреваемых в терроризме лиц в нескольких странах. Специальный докладчик ожидает получения ответа от этих государств в запрошенные сроки.

25. Совместно со Специальным докладчиком по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, Специальным докладчиком по вопросу о независимости судей и адвокатов и Специальным докладчиком по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Специальный докладчик 26 октября 2005 года опубликовал заявление для печати, в котором выражается обеспокоенность в связи с подготовкой судебных процессов над лицами, подозреваемыми в терроризме, в Узбекистане.

III. СООБРАЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ "ТЕРРОРИЗМА"

26. Одно из центральных мест в мандате Специального докладчика занимает вопрос о том, как международное сообщество или отдельные государства определяют понятие "терроризм". Международные принципы борьбы с терроризмом, воплощенные в

основных конвенциях и резолюциях Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и Комиссии по правам человека по данной теме, устанавливают обязательства и содержат указания для государств по вопросу о терроризме при том, что всеобъемлющее определение этого термина отсутствует. Это создает не только трудности для способности государств определять уровень надлежащего соблюдения этих конвенций и резолюций, но и сказывается на других вопросах. Различие элементов, содержащихся во внутренних определениях преступления терроризма в отдельных государствах, как представляется, создает трудности в вопросах как выдачи, так и взаимной правовой помощи. Потенциально это может также привести к неспособности международного сообщества отреагировать на некоторые акты терроризма по причине отсутствия всеобъемлющего определения этого термина.

27. Что касается осуществления мандата Специального докладчика, то в этой связи особую обеспокоенность вызывает то обстоятельство, что в отсутствие универсального и всеобъемлющего определения понятия терроризма неоднократные призывы международного сообщества к ликвидации этого явления могут привести к неблагоприятным последствиям для прав человека. Призывы международного сообщества к борьбе с терроризмом при отсутствии его определения могут восприниматься так, словно определение этого термина оставляется на усмотрение отдельных государств. Это открывает возможности для неумышленных нарушений прав человека и даже для сознательного злоупотребления использованием этого понятия. Помимо ситуаций, когда некоторые государства прибегают к сознательному злоупотреблению использованием этого термина, Специальный докладчик обеспокоен также все более частым употреблением во внутреннем законодательстве о борьбе с терроризмом терминологии, которая не ограничивается строго борьбой с терроризмом. Кроме того, есть опасность того, что использование международным сообществом понятия "терроризм" при отсутствии определения этого термина приведет к непреднамеренной международной легитимизации действий, предпринимаемых репрессивными режимами, так как это создает впечатление, будто международное сообщество требует принятия решительных мер против "терроризма" вне зависимости от того, какой смысл вкладывается в это понятие.

Состояние работы по определению терроризма и террористических преступлений

28. Ни в одной из 13 конвенций о борьбе с терроризмом не содержится всеобъемлющего определения термина "терроризм". Тем не менее, эти конвенции применяются на практике и посвящены конкретным аспектам, будь то безопасность воздушных перевозок,

морское судоходство и морские платформы, защита людей или пресечение средств, с помощью которых могут совершаться или поддерживаться террористические акты. В резолюциях различных органов Организации Объединенных Наций также отсутствует какое-либо определение, хотя Совет Безопасности в своих резолюциях 1269 (1999) и 1566 (2004) определил, что все акты терроризма не имеют оправдания, независимо от их мотивов².

29. Продолжается работа над проектом всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, которая была поручена в 2001 году Специальному комитету, учрежденному резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи³. Спорные вопросы, возникшие в связи с разработкой этой конвенции, касаются определения террористических преступлений (статья 2) и изъятий из этой конвенции (статья 18)⁴. Содержащееся в статье 2 предлагаемое всеобъемлющее определение подробно прописано и касается реальных угроз, попыток, сообщников и других сторон, а также организации террористических преступлений.

30. Специальный докладчик Подкомиссии по поощрению и защите прав человека по вопросу о терроризме и правах человека уже рассмотрела вопросы взаимосвязи между терроризмом и вооруженными конфликтами, законной борьбы за самоопределение и поведения государственных и негосударственных субъектов⁵. Сейчас нет необходимости повторять ее полезный анализ и рекомендации на этот счет.

31. Для целей настоящего доклада Специальный докладчик акцентирует внимание на запрещении в уголовном порядке террористических действий и характеристике терроризма в этом контексте.

"Триггерные" преступления согласно действующим конвенциям о терроризме

32. В четырех недавно принятых документах используется весьма полезный "триггерный" показатель для определения того, какие действия - в отсутствие всеобъемлющего определения - должны считаться "террористическими", что достигается благодаря привязке этого термина к положениям существующих конвенций о терроризме:

а) в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, принятой в мае 2005 года, "террористическое преступление" определяется как любое из преступлений по действующим 10 из 12 конвенций о борьбе с терроризмом (исключая Токийскую конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, и Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их

обнаружения)⁶. Таким образом, все преступления по этой Конвенции привязаны к преступлениям, которые определяются в качестве таковых в действующих всеобщих конвенциях о борьбе с терроризмом и определения которых содержатся в этих конвенциях;

б) при запрещении финансирования определенных действий в подпункте а) пункта 1 статьи 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма применяется аналогичный подход, предусматривающий привязку к девяти из 11 других действующих на данный момент конвенций;

с) в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, а также в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, представленном Генеральному секретарю (об этом еще пойдет речь ниже), также содержится ссылка на действия, запрещенные в соответствии с действующими конвенциями по различным аспектам терроризма⁷.

33. Специальный докладчик считает, что использование конвенций о борьбе с терроризмом в качестве источника ("триггера") для определения того, какое поведение следует запретить при борьбе с терроризмом, в отсутствие универсального и всеобъемлющего определения "терроризма" является приемлемым отправным моментом. Хотя эти конвенции посвящены конкретным аспектам, они являются универсальными по своему характеру, так что использование содержащихся в них определений преступлений можно считать в целом отражающим международный консенсус.

34. В связи с этим подходом следует сделать одну оговорку, отметив, что такая привязка не применима в случае Конвенции о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения. В силу того, что в этой Конвенции фактически не запрещаются никакие действия, а устанавливаются обязательства государств в отношении маркировки взрывчатых веществ, ее нельзя использовать в качестве договора, содержащего определения "триггерных" преступлений⁸.

Кумулятивные характеристики "терроризма"

35. Использование действующих конвенций о терроризме для установления "триггерных" преступлений само по себе недостаточно для определения того, какие действия являются подлинно "террористическими" по своему характеру. В этой связи Специальный докладчик не считает полностью удовлетворительной сделанную Группой высокого уровня привязку к существующим конвенциям, тогда как в остальном описание терроризма представляется ему неплохим⁷:

"любое деяние, в дополнение к деяниям, уже указанным в существующих конвенциях по различным аспектам терроризма, Женевских конвенциях и резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, которое имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов или причинить им тяжкие телесные повреждения, когда цель такого деяния, в силу его характера или контекста, заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения" [подчеркнуто автором].

36. Сказанное выше можно проиллюстрировать ссылкой на Токийскую конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. В этой Конвенции содержится призыв к государствам установить юрисдикцию в отношении любых актов, которые могут поставить под угрозу или ставят под угрозу безопасность гражданского воздушного судна или находящихся в нем лиц или имущества или которые ставят под угрозу порядок и дисциплину на борту судна⁹. Хотя это требование, несомненно, распространится на действия террористического характера, описание актов, в отношении которых государства должны установить свою юрисдикцию, является очень общим и скорее всего будет также включать действия, которые не имеют никакого отношения к терроризму. Таким образом, предложенная Группой высокого уровня формулировка "любого деяния, в дополнение к деяниям, уже указанным в существующих конвенциях по различным аспектам терроризма", является сомнительной, поскольку не все деяния, на которые распространяется действие этих конвенций (в данном случае примером является Токийская конвенция), будут носить террористический характер. В этой связи следует отметить, что ни Европейская конвенция о предупреждении терроризма, ни Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма не содержат ссылок на Токийскую конвенцию.

37. Решение этой проблемы можно найти в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности. Хотя в этой резолюции не ставилось цели дать определение "терроризму", в ней содержится призыв ко всем государствам всецело сотрудничать в борьбе с терроризмом и при этом предотвращать и наказывать за деяния, которые имеют в совокупности три следующие характеристики:

- a) акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников; и
- b) акты, которые не могут быть оправданы никакими соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или

другого подобного характера, также совершаемые с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; и

с) такие акты представляют собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма и определяются как преступления в таких конвенциях и протоколах.

38. Третий критерий отражает уже упоминавшийся подход к определению терроризма на основе "триггерного преступления". Важной особенностью этой резолюции является кумулятивный характер характеристик терроризма, требующий, чтобы триггерное преступление сопровождалось: намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью (или захватить заложников); преследовало цель вызвать состояние ужаса, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Этот кумулятивный подход выступает в качестве гарантии того, что только действия террористического характера квалифицируются в качестве террористических действий. Специальный докладчик подчеркивает, что не все действия, являющиеся преступлениями по внутригосударственному или международному праву, являются актами терроризма или должны определяться в качестве таковых.

39. Еще один пример. Прослеживается явная параллель между актами терроризма и другими международными преступлениями, в том числе преступлениями против человечности (согласно терминологии, используемой в Статуте Международного уголовного суда, или запрещению таких преступных деяний по общему международному праву). Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея и Комиссия по правам человека также определяют терроризм как некое явление, которое подвергает опасности или уносит жизни ни в чем не повинных людей, имеет связь с транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными поставками ядерных, химических и биологических материалов, а также сопряженное с последующим совершением таких серьезных преступлений, как убийство, вымогательство, похищение людей, вооруженные нападения, захват заложников и разбой¹⁰. Несмотря на такие связи, борьба с терроризмом должна ограничиваться борьбой с преступлениями, являющимися таковыми, по смыслу и согласно определениям международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, или борьбой со связанными с этими деяниями, о которых идет речь в резолюциях Совета Безопасности и в которых присутствуют элементы намерения и цели,

указанные в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности. Если тот или иной акт является преступным, то это само по себе не означает, что он является террористическим актом.

40. По сути дела кумулятивный подход применяется при определении запрещенных деяний по Международной конвенции о борьбе с захватом заложников. Захват заложников определяется как захват или удержание какого-либо лица (заложника) в сочетании с угрозой убить, нанести повреждение или продолжать удерживать заложника для того, чтобы заставить третью сторону совершить какое-либо действие или воздержаться от ее совершения. В этом смысле захват заложников (как он определяется в Конвенции) содержит все три характеристики, указанные в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, разве что в Конвенции конкретно не говорится, что такое действие не может быть оправдано никакими мотивами.

41. Кумулятивный подход отсутствует в принятой Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Эта Конвенция требует от государств-участников запретить владение радиоактивным материалом или устройством или их использование с намерением причинить смерть или серьезное увечье, нанести ущерб собственности или окружающей среде или вынудить какое-либо лицо, организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него¹¹. Формулировка пункта 1 статьи 2 не соответствует положениям резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, так как первые две характеристики, содержащиеся в резолюции (намерение причинить смерть или увечье или захватить заложников с целью вынудить совершить какое-либо действие), рассматриваются в качестве альтернативных, а не кумулятивных требований. Специальный докладчик полагает, что, как и в случае с Токийской конвенцией, о которой уже шла речь, это может включать действия, которые не отвечают общим критериям определения актов, являющихся террористическими по своему характеру. Поэтому он вновь указывает на необходимость применения кумулятивных характеристик террористических действий.

Краткое изложение характеристик "террористических" преступлений

42. Важно обеспечить, чтобы термин "терроризм" в своем употреблении ограничивался действиями, которые носят подлинно террористический характер. Трехступенчатая характеристика деяний, которые необходимо предотвращать, а если их не удалось предотвратить - принимать меры к тому, чтобы наказывать за них, в ходе борьбы с терроризмом, содержащиеся в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, имеет то преимущество, что согласованные на данный момент определения преступлений, касающиеся различных аспектов терроризма, используются в качестве триггерных преступлений и позволяют установить соответствующий порог в результате введения

требования о том, что такие преступления должны совершаться также с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников и с целью вызвать состояние ужаса, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Действия в поддержку террористических преступлений

43. Последний подход не противоречит ряду инструкций и рекомендаций Совета Безопасности в отношении действий в поддержку террористических преступлений. Например, в резолюции 1624 (2005) Совета Безопасности содержится, хотя и не имеющий обязательной силы, призыв к государствам запретить и предотвращать подстрекательство к совершению террористического акта или актов¹². И в данном случае в резолюции отсутствует определение террористических актов. Решение заключается в том, чтобы сделать ссылку на трехступенчатую кумулятивную методику, рекомендуемую в резолюции 1566 (2004). Только подстрекательство к действиям (которые сами по себе соответствуют трем этим характеристикам) должно трактоваться как "подстрекательство к терроризму". Даже если подстрекательство к другим уголовно-наказуемым деяниям может быть незаконным и признание его наказуемым может в некоторых случаях даже требоваться согласно пункту 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах или статьей 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, такое подстрекательство не должно квалифицироваться как "подстрекательство к терроризму".

44. Такая ограниченная трактовка преступлений, относящихся к категории "действий в поддержку", и соответствующих обязательств государства, достигаемая посредством ссылки на трехступенчатую кумулятивную методику, изложенную в резолюции 1566 (2004), также применима и к призывам Совета Безопасности в адрес государств:

- a) воздерживаться от оказания поддержки в любой форме лицам, причастным к террористическим актам¹³;
- b) предотвращать совершение террористических актов¹⁴;
- c) привлекать к судебной ответственности любых лиц, которые оказывают поддержку или содействие, участвуют или пытаются участвовать в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов либо предоставляют убежище террористам¹⁵;

- d) предотвращать передвижение террористов¹⁶;
- e) обеспечивать до предоставления статуса беженца, чтобы лицо, ищущее убежище, не планировало террористических актов, не содействовало им и не участвовало в их совершении¹⁷;
- f) не допускать и пресекать любую активную и пассивную поддержку терроризма¹⁸.

Требования к определению терроризма, вытекающие из принципов верховенства права и стандартов в области прав человека

45. Специальный докладчик считает, что универсальное, всеобъемлющее и конкретное определение терроризма в наибольшей степени способствовало бы решению проблем, возникающих в связи с нынешним отсутствием такого определения. Между тем стандарты в области прав человека и принципы верховенства права устанавливают определенные требования, которые помогают избежать негативных последствий отсутствия согласованного определения терроризма. Пункт 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, в котором закрепляется одно из неотъемлемых прав человека и который является особенно показательным, гласит:

"Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действующему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением. Равным образом не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника".

46. Первое требование, вытекающее из пункта 1 статьи 15, состоит в том, что запрещение террористического деяния должно быть предписано внутригосударственным законом или международным правом. Запрещение, "предписанное законом", должно быть оформлено таким образом, чтобы соответствующий закон был достаточно доступным, с тем чтобы индивид мог надлежащим образом узнать, как закон ограничивает его поведение; и был сформулирован достаточно конкретно, чтобы индивид мог регулировать свое поведение¹⁹. Из определения террористических преступлений должно также ясно следовать, какие элементы правонарушения составляют

террористическое преступление. Точно так же, когда какие-либо преступления связаны с "террористическими актами", то должно существовать конкретное определение того, что представляют собой такие акты.

47. С учетом необходимости обеспечить точность и избежать использования борьбы с терроризмом в качестве предлога для ненужного расширения сферы действия уголовного права важно, чтобы преступления, признанные в качестве таковых в соответствии с законодательством о борьбе с терроризмом, а также любые связанные с этим полномочия в области расследования или судебного преследования, не выходили за рамки борьбы с терроризмом. На преступления, которые не подпадают под категорию терроризма (имеющего характеристики, о которых шла речь выше), независимо от того, насколько они серьезны, не должно распространяться действие законодательства о борьбе с терроризмом. Точно так же на действие, которое не подпадает под категорию терроризма, не должны распространяться меры по борьбе с терроризмом, даже если оно совершено лицом, подозреваемым и в совершении террористических преступлений. Специальный докладчик подтверждает предыдущие заявления на этот счет Специального докладчика Подкомиссии по вопросу о терроризме и правах человека²⁰.

48. Вопросом, который выходит за рамки статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, но который необходимо учитывать в соответствии со статьей 26 того же Пакта и принципами верховенства права, является необходимость того, чтобы в любом правовом запрете соблюдался принцип недискриминации и равенства перед законом. Так, пункт 1 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что любое отступление от обязательств во время чрезвычайного положения, при котором жизнь нации находится под угрозой, не должно влечь за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения²¹. Генеральная Ассамблея и Комиссия по правам человека в своих последних резолюциях о защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом подчеркивали, что использование прав должно осуществляться без дискриминации по таким признакам²².

49. Последний элемент, закрепленный в статье 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, касается отсутствия ретроактивности (обратной силы). Любое положение, содержащее определение того или иного преступления, не должно квалифицировать в качестве уголовно наказуемого деяние, которое было совершено до вступления этого положения в силу в качестве применимого права. Точно так же, любые наказания должны быть ограничены теми санкциями, которые применялись во время совершения преступления, и если принятый впоследствии закон предусматривает

применение более легкого наказания, то такое более легкое наказание должно быть вынесено в отношении данного преступника.

Заключение

50. Отсутствие универсального, всеобъемлющего и конкретного определения "терроризма" создает трудности для эффективной защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом. Вызывает удовлетворение то обстоятельство, что продолжает свою работу Специальный комитет, учрежденный резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи для разработки проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. До завершения его работы необходимо обеспечить, чтобы термин "терроризм" применялся исключительно в отношении действий, которые носят подлинно террористический характер. Важное значение в этой связи имеет содержащаяся в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности трехступенчатая характеристика деяний, которые необходимо предотвращать в ходе борьбы с терроризмом, а если их не удалось предотвратить - наказывать за них. Понятие "террористические преступления" следует ограничить случаями, когда кумулятивно выполняются три следующих условия: а) акты совершены с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников; б) преследует цель вызвать состояние ужаса, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; и с) представляют собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и определяются в них в качестве таковых. Аналогично любые критерии криминализации действий в поддержку террористических преступлений должны быть ограничены такими действиями в поддержку преступлений, которые имеют все вышеупомянутые характеристики. При запрещении террористических действий государствам важно обеспечить, чтобы законодательные положения на этот счет были доступными, конкретными, применялись только к мерам по борьбе с терроризмом, являлись недискриминационными и не имели обратной силы.

IV. РОЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДОКЛАДОВ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОМУ КОМИТЕТУ (КТК) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВО С КТК

Мандат Контртеррористического комитета

51. Контртеррористический комитет (КТК) был учрежден резолюцией 1373 (2001) Совета Безопасности сразу же после зверских террористических актов, совершенных 11 сентября 2001 года. Совет Безопасности, действуя в соответствии главой VII Устава

Организации Объединенных Наций, определил ряд обязательств государств-членов по борьбе с терроризмом и учредил КТК для контроля, в том числе посредством рассмотрения докладов, за шагами, предпринятыми государствами-членами для осуществления этой резолюции²³.

52. В резолюции 1373 (2001) содержится лишь одна короткая ссылка на права человека в очень конкретном контексте²⁴. Поэтому кое-кто может утверждать и действительно утверждает, что КТК не уполномочен следить за тем, чтобы при осуществлении мер по борьбе с терроризмом соблюдались стандарты в области прав человека, когда такие меры принимаются государствами во исполнение данной резолюции. Кроме того, можно сказать - и это действительно так, - что необходимость проверки Контртеррористическим комитетом соблюдения прав человека носит вспомогательный характер по отношению к деятельности договорных и других правозащитных контрольных органов и мандатов в рамках системы Организации Объединенных Наций.

53. С учетом этого Специальный докладчик хотел бы подчеркнуть, что в резолюции 1456 (2003) Совета Безопасности, принятой на заседании на уровне министров иностранных дел, содержится известная формулировка следующего содержания: "Государства должны обеспечить, чтобы любые меры, применяемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали всем их обязательствам по международному праву, и им следует принять такие меры в соответствии с международным правом, в частности области прав человека, беженского права и гуманитарного права"²⁵. Это безоговорочное подтверждение обязательств в области прав человека формирует в какой-то мере тот контекст, в котором следует читать положения резолюции, касающиеся деятельности КТК. В этой же резолюции содержится, среди прочего, просьба к КТК принимать во внимание "передовую практику" в области борьбы с терроризмом и стремиться к обмену такой практикой²⁶. Поскольку ссылка на "передовую практику" содержится также в резолюции Комиссии по правам человека, которой учреждается мандат Специального докладчика²⁷, Специальный докладчик считает, что соответствие мер, принимаемых государствами, стандартам в области прав человека должно рассматриваться в качестве одной из определяющих характеристик "передовой практики" в области мер по борьбе с терроризмом.

54. Кроме того, и это, пожалуй, особенно важно, резолюцией 1624 (2005) Совета Безопасности на КТК однозначно возлагается правозащитный мандат в том смысле, что Совет Безопасности поручает ему включить в его диалог с государствами-членами вопросы, касающиеся осуществления этой новой резолюции²⁸, в которой содержится ряд ссылок на необходимость обеспечения того, чтобы меры по борьбе с терроризмом соответствовали их обязательствам в области прав человека²⁹. Новая задача КТК при

рассмотрении ее в контексте всей резолюции явно включает анализ соответствия мер, принимаемых государствами-членами, стандартам в области прав человека.

Диалог между Специальным докладчиком и КТК

55. В резолюции 2005/80 Комиссии по правам человека, в которой определяется мандат Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, ему поручается задача налаживания регулярного диалога и обсуждения возможных областей сотрудничества со всеми соответствующими сторонами, в частности КТК, и при этом ему предлагается всецело уважать соответствующие мандаты этих сторон и преследовать цель избежать дублирования усилий. В своем письме от 23 сентября 2005 года Специальный докладчик обратился к Председателю КТК с предложением встретиться и выступить в КТК, с тем чтобы кратко проанализировать нынешние тенденции в действиях государств по борьбе с терроризмом с точки зрения их соответствия стандартам в области прав человека и изучить возможности сотрудничества между КТК и его Исполнительным директором (ИДКТК) и Специальным докладчиком в следующих четырех областях:

а) вопросы и замечания КТК при рассмотрении докладов государств в отношении тем, касающихся прав человека, с целью избежать недопонимания и злоупотреблений;

б) возможное участие Специального докладчика в рассмотрении Контртеррористическим комитетом докладов государств или же предоставление Специальному докладчику непосредственного доступа к замечаниям, высказанным КТК;

в) совместная работа по подготовке "типовых законов" или выявлению "передовой практики" в условиях борьбы с терроризмом; и

г) возможность подготовки параллельных, согласованных рекомендаций в области технической помощи, консультативного обслуживания или посещений стран.

56. В ходе встречи с членами КТК, проведенной в Нью-Йорке 24 октября 2005 года, Специальный докладчик изложил некоторые "нынешние тенденции", которые, по его мнению, требуют усиления взаимодействия между КТК и правозащитным сообществом:

а) прежде всего, очень давняя тенденция, проявляющаяся в том, что государства прибегают к понятию "терроризм", чтобы заклеить политические, этнические, религиозные или другие движения, которые им просто не нравятся, также в немалой степени приобрела характер новой тенденцией. Новым является то, что после сентября

2001 года международное сообщество, как представляется, стало более безучастным к злоупотреблению понятием терроризм. В результате этого призывы международного сообщества к принятию мер по борьбе с терроризмом и его поддержка таких мер могут, по сути дела, придать легитимность репрессивным режимам и их действиям, даже если они являются враждебными по отношению к правам человека. Общее международное определение терроризма было бы наилучшим лекарством от этой болезни, но, пока его нет, основным отправным моментом по-прежнему остаются стандарты в области прав человека, в частности статья 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, в которой содержится не допускающее отступлений положение в отношении требований, которым должно удовлетворять уголовное право: все преступления должны быть определены в законе конкретным и предсказуемым образом с указанием применимого наказания, которое может выноситься только в отношении деяний, совершенных после принятия и вступления закона в силу;

б) второй и, пожалуй, наиболее тревожной "новой тенденцией", связанной с мерами по борьбе с терроризмом, является то, что абсолютный запрет пыток и всех видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения все чаще ставится под сомнение или не соблюдается. Эта тенденция проявляется в самых разнообразных формах. Некоторые призывают применять пытки в так называемых "ситуациях, когда до взрыва остаются считанные минуты". Некоторые государства пытаются определить понятие пыток узко, чтобы провести различие между ними и другими видами жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, несмотря на то обстоятельство, что все эти методы подлежат абсолютному и не допускающему исключений запрету по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Кроме того, существуют методы, которые опосредованно равнозначны пыткам, например передача лиц, подозреваемых в совершении преступлений, на допрос в страны, которые, как известно, широко практикуют пытки. Кроме того, некоторые предлагают обойти норму, касающуюся невыдворения, с помощью призывов к "сбалансированному подходу", дипломатических гарантий или внесения поправок в правозащитные договоры или призывов к изменению их принятого толкования;

с) в-третьих, хотя подстрекательство к совершению серьезных преступлений почти во всех странах определяется как уголовно наказуемое правонарушение, в нынешнюю эру непредсказуемых террористических актов, например актов совершаемых террористами-смертниками, в демократических и традиционно мирных обществах наблюдается теперь тенденция не останавливаться на осуждении фактического подстрекательства, а ввести уголовную ответственность за "восхваление" или "оправдание" терроризма или публикацию информации, которая может быть использована при совершении актов терроризма. В качестве эффективной нормы, которая

обеспечивает соблюдение прав человека, Специальный докладчик хотел бы сослаться на Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма, в статье 5 которой содержится определение "открытого подстрекательства" к совершению актов терроризма, основанное на двойном требовании: наличии субъективного намерения подстрекать (побуждать) к совершению террористических преступлений и наличии объективной опасности того, что одно или несколько таких преступлений будут совершены;

d) четвертая современная тенденция в сфере принятия государствами мер по борьбе с терроризмом связана с различными формами ужесточения иммиграционного контроля, в том числе с помощью так называемого (расового, этнического или религиозного) профилирования, обмена информацией между странами и новых форм длительного и даже не ограниченного по времени содержания под стражей. Многие страны идут также по пути отказа от приостановления действия обжалованных решений о непредоставлении убежища, несмотря на критику и влияние таких правозащитных органов, как Европейский суд по правам человека и Комитет по правам человека, которые требуют приостановления исполнения таких решений по крайней мере в случае доказуемого утверждения о нарушении прав человека;

e) пятая и последняя тенденция состоит в том, что теперь в качестве главного публичного обоснования расширения полномочий полиции в сфере расследования или предупреждения преступности выступают в основном не преступления, связанные с наркотиками, а террористические преступления. В процессе борьбы с терроризмом упраздняются многие из таких традиционных гарантий, как преследование исключительно лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и наличие предварительного разрешения суда, даже если отказ от таких гарантий не всегда касается только террористических преступлений.

Рассмотрение Контртеррористическим комитетом докладов государств-членов в соответствии с резолюцией 1373 (2001)

57. Для оценки роли КТК в деле поощрения методов борьбы с терроризмом, которые соответствуют стандартам в области прав человека, учитывают необходимость защиты таких прав или в худшем случае негативно сказываются на правах человека, Специальный докладчик ознакомился с большинством из примерно 640 докладов, представленных государствами-членами в соответствии с резолюцией 1373 (2001). Хотя в большинстве случаев вопросы или замечания КТК, цитируемые или воспроизводимые в измененных формулировках в последующих докладах государств, носили технический характер, не имея явных последствий для прав человека, были и такие случаи, когда в своих докладах государства указывали на обратное. В качестве методического замечания следует

подчеркнуть, что анализировалось не изначальное содержание замечаний или вопросов КТК, а форма, в которой они воспроизводились в последующих докладах соответствующих государств. Для цели оценки последствий вопросов и комментариев КТК для прав человека это было, пожалуй, даже важнее того, что фактически спросил или отметил КТК, поскольку из последующих докладов государств видно, как государства восприняли слова КТК в их адрес. Ниже приводятся примеры четырех разных видов восприятия государствами вопросов и замечаний КТК. Многие из этих примеров связаны с нынешними тенденциями последствий мер по борьбе с терроризмом для прав человека, о которых шла речь выше.

58. Первую категорию примеров можно рассматривать как "передовую практику" с точки зрения мандата Специального докладчика. Имеются случаи, когда КТК конкретно предлагал государствам принять меры по борьбе с терроризмом, которые соответствуют стандартам в области прав человека. КТК проявил заинтересованность в разработке в Бельгии нового закона о борьбе с терроризмом, который в то же время обеспечивал бы защиту прав человека³⁰. Он также задал Кении вопрос о соблюдении этой страной прав человека при осуществлении мер по борьбе с терроризмом³¹. Хотя такие случаи и немногочисленны, они являются обнадеживающим признаком того, что КТК готов признавать и поощрять меры по борьбе с терроризмом, при осуществлении которых соблюдаются права человека.

59. Во вторую категорию входят примеры, когда осуществление рекомендаций КТК или того, что было воспринято государствами как рекомендации, встретило на национальном уровне критику или отпор с правозащитных позиций. Были случаи, когда государства в своих ответах КТК указывали, что их обязательства в области прав человека не позволяют выполнить данные им рекомендации. Это, как представляется, было в случае с Парагваем, с которым КТК вел позитивный диалог о принятии мер для борьбы с терроризмом, соответствующих стандартам в области прав человека³². В этом примере проявляются некоторые тонкие моменты, связанные с разработкой эффективных мер по борьбе с терроризмом в странах, которые помнят об имевших у них место в прошлом случаях нарушений прав человека. То же самое можно сказать о диалоге с Перу³³. КТК, по-видимому, воспринял также правозащитное положение, содержащееся в Уголовном кодексе Австрии, как исключаящее по политическим мотивам судебное преследование в отношении террористических актов, а следовательно, как несовместимое с требованиями резолюции 1373 (2001) Совета. В своем последующем ответе³⁴ Австрия выступила в защиту своего законодательства, сославшись на необходимость соблюдения стандартов в области прав человека в ходе борьбы с терроризмом и на возможность исключения безнаказанности за террористические преступления.

60. Третья и, пожалуй, наиболее проблематичная категория включает случаи, когда в последующих докладах государств дается понять, что вопросы и рекомендации КТК в адрес того или иного государства, видимо, не учитывают права человека. КТК в своем диалоге с государствами, по-видимому, обычно задает вопросы в отношении длинного перечня методов расследования преступлений, в которых явно усматривается вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни и семейную жизнь. С точки зрения правозащитников, главный вопрос, возникающий в этой связи, состоит в том, необходимы ли такие меры для достижения законной цели, какой является расследование преступления, и соразмерны ли они проявляющемуся при этом вмешательству в частную и семейную жизнь. В этих условиях представляется сомнительным, чтобы КТК рекомендовал в максимально возможной степени расширить потенциальный арсенал методов расследования (таких, например, как "контролируемые поставки", псевдопреступления, использование анонимных информаторов, трансграничные преследования, установка подслушивающих устройств в частных и общественных помещениях, перехват конфиденциальных сообщений, поступающих по Интернету и телефону, и т.д.). Сомнительно также, что он может требовать, по крайней мере в отдельных случаях, чтобы были ослаблены предусмотренные международными стандартами в области прав человека защитные меры (такие, как требование о применении подобных методов только в отношении тех лиц, которые реально подозреваются в совершении преступления, требование о предварительном получении разрешения суда и требование об ограниченном сроке применения таких методов), которые могут применяться в соответствии с внутригосударственным правом. Если в вопросах такого рода отсутствует ссылка на применимые стандарты в области прав человека, у государств может возникнуть впечатление, будто их просят расширить полномочия их правоохранительных органов в области проведения расследований за счет ущемления прав человека. У Специального докладчика особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что вопросы подобного рода задаются также режимам, правоохранительные органы которых, как известно, нарушают права человека. Методы работы правоохранительных органов, которые нарушают права человека, не заслуживают легализации со стороны Совета Безопасности. В качестве примера случая, когда вопросы или замечания КТК использовались в последующем докладе для придания законного характера используемым методам в области расследования преступлений³⁵, несмотря на раздававшуюся в прошлом критику со стороны правозащитных механизмов³⁶, можно привести случай с Беларусью.

61. Другие примеры этой категории включают следующие случаи:

а) судя по последующим докладам государств, государствам, видимо, зачастую трудно разобраться в том важном различии, которое проводится между

непредоставлением статуса беженца и физической высылкой или депортацией лица с территории страны, когда данное лицо виновно или подозревается в совершении террористических преступлений³⁷. Следует подчеркнуть, что, исходя из статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, никто не может быть депортирован в другую страну, если в этой стране ему грозят пытки или любая форма жестокого, бесчеловечного или унижающего его достоинство обращения или наказания, даже в случае применения оговорок об изъятиях, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев 1951 года³⁸;

b) что касается доклада Австралии, представленного после рекомендаций КТК, то, как представляется, КТК не учел позицию Комитета по правам человека³⁹ при толковании статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, заключающуюся в том, что страна, которая сама упразднила смертную казнь, нарушает право на жизнь, если она депортирует какое-либо лицо в другую страну, в которой этому лицу может грозить смертная казнь⁴⁰;

c) из некоторых докладов государств явствует, что эти государства восприняли замечания КТК так, будто он предлагает не разрешать натурализованным лицам изменять имя и фамилию⁴¹ или вступать "в брак по расчету"⁴². Эти вопросы связаны с правом человека на неприкосновенность частной и семейной жизни;

d) при рассмотрении доклада Колумбии КТК, судя по всему, счел, что на лиц, оказывающих медицинскую помощь террористам, распространяется действие пункта 1 с) резолюции 1373 (2001), и призвал заморозить их активы⁴³. По мнению Специального докладчика, это представляет собой слишком широкую трактовку положений пункта 1с).

62. И наконец, анализ докладов государств, представленных КПК, указывает на то, что при рассмотрении предыдущих докладов тех же государств КПК проявлял мало, а то и вовсе не проявлял интереса к определению терроризма на национальном уровне. Это не совсем правильно, поскольку хорошо известно, что государства часто применяют такие определения терроризма, которые либо не отвечают требованиям статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах (*nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*, отсутствие обратной силы), либо, что еще хуже, умышленно разработаны для запрещения политической оппозиции, религиозных организаций, движений меньшинств или коренных народов или движений за автономию, которые никогда не прибегают к насилию в отношении людей. Если национальные определения терроризма не будут пересмотрены в целях обеспечения их соответствия стандартам в области прав человека и если не будет ограничено применение этого термина только в отношении актов, которые носят подлинно террористический характер, то в итоге КТК

может восприниматься как орган, поощряющий применение мер, направленных на осуществление положений резолюции 1373 (2001) в отношении неких деяний, которые по национальному законодательству квалифицируются как "терроризм" вне зависимости от того, какой смысл вкладывается в это понятие.

Вывод

63. В результате принятия Советом Безопасности резолюции 1624 (2005) стало ясно, что в обязанности Контртеррористического комитета входит задача следить за тем, чтобы меры по борьбе с терроризмом, принимаемые государствами-членами, соответствовали стандартам в области прав человека. Тем не менее, основываясь на результатах проведенного анализа докладов, которые государства представляют КТК, Специальный докладчик по-прежнему обеспокоен тем, что после рассмотрения их докладов Контртеррористическим комитетом до государств не всегда достаточно четко доносится мысль о том, что они обязаны обеспечивать соблюдение прав человека в ходе борьбы с терроризмом. В некоторых случаях у государств может иногда создаваться впечатление, что КТК поощряет меры по борьбе с терроризмом, независимо от их неблагоприятных последствий для прав человека. Специальный докладчик намерен продолжать диалог с КТК и Исполнительным директором Контртеррористического комитета. В частности, совместное выявление и учет "передовой практики" в сфере эффективных мер по борьбе с терроризмом, совместимых с задачей защиты прав человека, является той областью, в которой Специальный докладчик надеется и далее активно сотрудничать с КТК.

V. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ПОДПАДАЮЩИЕ ПОД МАНДАТ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА

Жертвы терроризма и "коренные причины" терроризма

64. Учитывая полное название своей должности, Специальный докладчик хотел бы отметить, что формулировка "поощрение и защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом" не просто подразумевает опасность нарушений прав человека в качестве побочного эффекта конкретных действий по борьбе с терроризмом. Всеобъемлющий круг его обязанностей включает также такие вопросы, как устойчивые стратегии предотвращения актов терроризма, в том числе посредством устранения "коренных причин" терроризма - или точнее "условий, способствующих терроризму", - и призыва к эффективной защите прав жертв терроризма и членов их семей.

65. Что касается утверждений о том, что обсуждение "коренных причин" терроризма или даже "условий, способствующих терроризму", дает обратные результаты или даже

равнозначно оправданию актов терроризма, то Специальный докладчик считает, что стремление выяснить, в том числе с помощью междисциплинарных научных исследований, почему некоторые движения или индивиды прибегают к терроризму, вовсе не равнозначно легитимизации или оправданию терроризма при условии, что такие действия сопровождаются четким и безоговорочным осуждением всех актов терроризма. Акты терроризма никогда не совершаются без не имеющего морального обоснования решения, морально ответственного индивида прибегнуть к смертоносному или иному серьезному насилию в отношении гражданских лиц или к другим актам терроризма, в строгом смысле этого слова. Таким образом, стремление понять, почему некоторые индивиды прибегают к терроризму в качестве тактической меры, не отражает ни малейшей симпатии к таким аморальным и непростительным решениям со стороны соответствующих индивидов.

66. Что касается жертв терроризма, то Специальный докладчик намерен настаивать на применении к этому вопросу подхода, основанного на правах человека, и вернуться к этому вопросу в своих последующих докладах. По его мнению, жертвы терроризма и члены их семей имеют неотъемлемое право человека на эффективные средства защиты, и в число соответствующих обязательств государств входит обязанность исключить любую возможность безнаказанности за акты терроризма.

Вопрос о том, могут ли негосударственные субъекты нарушать права человека

67. В различных резолюциях, принятых межправительственными организациями в связи с угрозой терроризма, применяются разные подходы к вопросу о том, можно ли считать, что лица, совершающие акты терроризма, "нарушают" права человека. Различия в формулировках таких резолюций отражают разные теоретические и политические подходы к вопросу о том, только ли государства могут совершать нарушения прав человека или же в таких нарушениях могут быть виновны и негосударственные субъекты. Отправным моментом, которым руководствуется Специальный докладчик в этом вопросе, является формулировка, используемая в резолюции Комиссии, которой учреждается его мандат. Как гласит один пункт преамбулы резолюции 2005/80, акты, методы и практика терроризма во всех его формах и проявлениях являются деятельностью, которая "направлена на уничтожение прав человека". Для сравнения можно привести, с одной стороны, другой пункт преамбулы той же резолюции, в котором Комиссия выражает сожаление по поводу "нарушений" прав человека - по-видимому, государствами - в контексте борьбы с терроризмом, а с другой стороны, положение резолюции 2004/44 Комиссии, которое явно отражает ту позицию, что террористические группы также могут нарушать права человека⁴⁴.

68. Специальный докладчик основывает свои действия на формулировке резолюции, в которой определяется его мандат, поскольку в ней осуждаются все акты терроризма как деятельность, направленная на уничтожение прав человека. В то же время он сознает, что у широкой общественности может возникнуть вопрос, зачем проводить различие между этой формулировкой и более прямой ссылкой на нарушения прав человека. В этой связи Специальный докладчик хотел бы подчеркнуть, что имеющая обязательную юридическую силу правовая нормативная база в области прав человека содержится в договорах по правам человека. Эти договоры однозначно основываются на том, что их бенефициарами являются люди, а носителями соответствующих обязательств - государства-участники. Кроме того, все механизмы контроля, созданные в соответствии с этими договорами, ориентированы на то, что государства несут ответственность за нарушения прав человека. При осуществлении полномочий договорных органов по правам человека обнаружение факта нарушения прав человека представляет собой конечный результат применения договора в конкретном случае или ситуации и включает возложение на государство ответственности за нарушение его обязательств. Согласно другим, недоговорным процедурам, какими, например, являются специальные процедуры Комиссии, в результате обнаружения факта нарушения прав человека объявляется, что то или иное государство действовало в нарушение своих обязательств по международному праву в области прав человека.

69. В целом не существует какого-либо подобного договорного или иного контрольного механизма, который действовал бы в отношении негосударственных субъектов. Поэтому, даже если предположить, что понятие нарушений прав человека может быть целенаправленно отнесено к негосударственным субъектам, на данный момент все равно не существует механизмов, с помощью которых таких субъектов можно было бы привлечь к ответственности. Развитие международного уголовного права в какой-то ограниченной степени возмещает неспособность договорных или других правозащитных механизмов разрешать ситуации, связанные с несоблюдением или прямым уничтожением прав человека негосударственными субъектами. Например, в Римском статуте Международного уголовного суда многие преступления, за которые индивид может быть привлечен к ответственности и наказан, оказывают непосредственное деструктивное воздействие на реализацию прав человека жертвами этих преступлений. В некоторых случаях Римский статут может применяться в отношении конкретных актов терроризма. Во многих других случаях акты терроризма определяются как "международные преступления" в широком смысле, а это означает, что международные договоры предписывают государствам, являющимся их участниками, квалифицировать такие акты в качестве преступлений.

70. Специальный докладчик придерживается того мнения, что каждый человек имеет право на полное уважение его прав и основных свобод, уничтожать которые своими действиями не должны не только государства, но и другие субъекты. Это особенно справедливо в отношении тех прав и свобод, которые принадлежат к категории основополагающих стандартов гуманности⁴⁵, отражающих традиции гуманитарного права и стандарты в области прав человека, и применимы в отношении всех субъектов при всех обстоятельствах, в том числе в чрезвычайных ситуациях или условиях вооруженных конфликтов. Тот факт, что акты терроризма направлены на уничтожение прав человека и приводят к этому, требует активизировать работу международного сообщества по разъяснению существования и содержания основополагающих стандартов гуманности и создать механизмы для их эффективного осуществления также и в отношении негосударственных субъектов.

71. Специальный докладчик будет внимательно следить за работой Комиссии по вопросу об основополагающих стандартах гуманности и в соответствующее время затронет этот вопрос в своих докладах.

VI. ВЫВОДЫ

72. В главе III доклада поясняется, почему отсутствие универсального, всеобъемлющего и конкретного определения "терроризма" создает трудности для эффективного поощрения прав человека в условиях борьбы с терроризмом. В отсутствие такого определения важно обеспечить, чтобы этот термин использовался исключительно применительно к действиям, которые носят подлинно террористический характер. Понятие "террористические преступления" следует ограничить случаями, когда обеспечивается кумулятивное соблюдение трех следующих условий: а) акты совершаются с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников; б) преследуют цель вызвать состояние ужаса, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и с) представляют собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями. Аналогично любая криминализация действий в поддержку террористических преступлений должна ограничиваться криминализацией действий в поддержку преступлений, которые имеют все эти характеристики. При запрещении террористических действий государствам важно обеспечить, чтобы законодательные положения на этот счет были достаточно доступными, конкретными, применялись только к мерам по борьбе с терроризмом, являлись недискриминационными и не имели обратной силы.

73. Как показано выше в главе IV, Контртеррористический комитет Совета Безопасности располагает теперь ясным мандатом, который позволяет ему следить за тем, чтобы меры по борьбе с терроризмом, принимаемые государствами-членами, соответствовали стандартам в области прав человека. Специальный докладчик по-прежнему обеспокоен тем, что Комитет не дает государствам достаточно ясно понять, что в ходе борьбы с терроризмом они обязаны соблюдать права человека. Специальный докладчик намерен продолжать свой диалог с Комитетом и Исполнительным директором Контртеррористического комитета, в том числе, в частности, посредством совместного выявления и учета "передовой практики" в области эффективных и учитывающих необходимость защиты прав человека мер по борьбе с терроризмом.

74. Что касается вопросов, которые подпадают под его широкий мандат, то Специальный докладчик намерен также уделить дополнительное внимание статусу и правам человека жертв терроризма, условиям, способствующим терроризму, и вопросу о негосударственных субъектах и основополагающих стандартах гуманности.

Примечания

- ¹ See, the report by the independent expert, E/CN.4/2005/103.
- ² Security Council resolution 1269 (1999), paragraph 1, and resolution 1566 (2004), paragraph 3.
- ³ General Assembly resolution 51/210 (1996), paragraph 9. This mandate continued to be renewed and revised on an annual basis by the General Assembly in its resolutions on the topic of measures to eliminate international terrorism.
- ⁴ See the Sixth Committee Report to the General Assembly, *Measures to Eliminate International Terrorism*, A/59/894 (2005). The report of the coordinator on the results of the informal consultations on a draft comprehensive convention on international terrorism appears as Appendix I to the latter report; the Draft Convention appears as Appendix II.
- ⁵ Sub-Commission on the Protection and Promotion of Human Rights, *Final Report of the Special Rapporteur on Terrorism and Human Rights*, E/CN.4/Sub.2/2004/40 (2004). See also the Report of the Secretary-General's High-level Panel on Threats, Challenges and Change, *A More Secure World: Our Shared Responsibility*, A/59/565 (2004), paragraphs 157-164.
- ⁶ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, adopted 16 May 2005, (2005) 16 *Council of Europe Treaty Series* No 196. The list of conventions mirrors the list contained within the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, but also includes the latter Convention.
- ⁷ Security Council resolution 1566 (2004), paragraph 3; Report of the Secretary-General's High-level Panel on Threats, Challenges and Change, *A More Secure World: Our Shared Responsibility*, A/59/565 (2004), paragraph 164(d).
- ⁸ The Convention on the Marking of Plastic Explosives for the Purpose of Detection, opened for signature 1 March 1991, ICAO Doc 9571 (entered into force 21 June 1998), articles 2 and 3(1).
- ⁹ Tokyo Convention on Offences and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft, opened for signature 14 September 1963, 704 UNTS 219 (entered into force 4 December 1969), articles 1(1) and (4), and 3(2).
- ¹⁰ See Security Council resolutions: 1269 (1999), preambular paragraph 1; 1373 (2001), paragraph 4; 1377 (2001), paragraph 6; 1456 (2002), preambular paragraphs 3 and 6; and 1540 (2004), preambular paragraph 8. See also General Assembly resolutions: 3034(XXVII) (1972), paragraph 1; 31/102 (1976), paragraph 1; 32/147 (1977), paragraph 1; 34/145 (1979), paragraph 1; 36/109 (1981), paragraph 1; 48/122 (1993), preambular paragraph 7; 49/185 (1994), preambular paragraph 9; 50/186 (1995), preambular paragraph 12; 52/133 (1998), preambular paragraph 11; 54/164 (2000), preambular paragraph 13; 56/160 (2002), preambular paragraph 18; 58/136 (2003), preambular paragraph 8; 58/174 (2004), preambular paragraph 12, 59/153 (2004), preambular paragraph 10, and 59/194 (2004), preambular paragraph 3 and

operative paragraphs 2, 4 and 14. See also Commission on Human Rights resolutions: 2001/37, preambular paragraph 16 and operative paragraph 2; and 2004/44, preambular paragraph 7.

¹¹ International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism, adopted and opened for signature under General Assembly resolution 58/290 (2005), article 2(1). See also paragraphs (2) to (4) of article 2, which set out party and associated offences.

¹² Security Council resolution 1624 (2005), paragraph 1(a) and (b). See also Security Council resolution 1373 (2001), paragraph 5(3), which: “*Declares* that acts, methods, and practices of terrorism are contrary to the purposes and principles of the United Nations and that knowingly financing, planning and inciting terrorist acts are also contrary to the purposes and principles of the United Nations”.

¹³ Security Council resolution 1373 (2001), paragraph 2(a).

¹⁴ Security Council resolution 1373 (2001), paragraph 2(b).

¹⁵ Security Council resolution 1373 (2001), paragraph 2(c) (d) and (e), resolution 1566 (2004), paragraph 2, and resolution 1456 (2003), paragraph 3.

¹⁶ Security Council resolution 1373 (2001), paragraph 3(f) and (g).

¹⁷ Security Council resolution 1373 (2001), paragraph 2(h).

¹⁸ Security Council resolution 1456 (2003), paragraph 1.

¹⁹ These two requirements were held to flow from the expression “prescribed by law” by the European Court of Human Rights in the *Sunday Times* case of 1978: *Sunday Times v United Kingdom* (1978) 58 ILR 491, 524-527. See also: Human Rights Committee, *States of Emergency (Article 4)*, CCPR General Comment 29 of 2001, reprinted UN Doc HRI/GEN/1/Rev.6 at 186 (2003), paragraph 16; United Nations Economic and Social Council Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities, *Siracusa Principles on the Limitation and Derogation of Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights*, UN Doc E/CN.4/1985/4 (1985), paragraphs 15 and 17; Inter-American Commission on Human Rights, *Report on Terrorism and Human Rights*, Doc OEA/Ser.L/V/II.116 (22 October 2002), paragraph 53; and Council of Europe, *Guidelines on Human Rights and the Fight Against Terrorism*, (Council of Europe Publishing, 2002), article III.

²⁰ Sub-Commission on the Protection and Promotion of Human Rights, *A Preliminary Framework Draft of Principles and Guidelines Concerning Human Rights and Terrorism*, E/CN.4/Sub.2/2005/39 (2005), paragraph 33. See also the Sub-Commission Special Rapporteur’s final report of 2004, *ibid*, paragraph 33(c), and: the Council of Europe guidelines, *ibid*, article III(2); the Inter-American Commission on Human Rights report, *ibid*, paragraphs 51 and 55; and the *Siracusa Principles*, *ibid*, paragraph 17.

²¹ See also Human Rights Committee General Comment 29, *ibid*, paragraphs 8 and 16.

- ²² General Assembly resolution 59/191 (2004), preambular paragraph 12, and Commission on Human Rights resolution 2005/80, preambular paragraph 15.
- ²³ See Security Council resolution 1377 (2001), paragraph 6.
- ²⁴ See Security Council resolution 1377 (2001), paragraph 3(f).
- ²⁵ Security Council resolution 1456 (2003), paragraph 6.
- ²⁶ Security Council resolution 1456 (2003), paragraphs 4(iii) and 8.
- ²⁷ Human Rights Resolution 2005/80, paragraph 14(c).
- ²⁸ Security Council resolution 1624 (2005), paragraph 6.
- ²⁹ Security Council resolution 1624 (2005), in particular paragraph 4.
- ³⁰ S/2004/156. See, section 1.3.
- ³¹ S/2004/181. See, "Introduction" where the question by the CTC is quoted.
- ³² S/2003/700, S/2004/375, S/2005/516. In the last-mentioned fifth report, specific mention is made of the involvement of OHCHR expertise in the provision of technical assistance to the country in order to secure that its counter-terrorism legislation would be compatible with human rights. This can be contrasted with the following statement in the fourth report (S/2004/375): "At present, consideration of the preliminary draft anti-terrorism act by the National Congress has been suspended, and its approval is thought to be unlikely in the short and medium terms owing to the resistance it encountered at the time of its proposal at all levels of Paraguayan civil society, and in the press in general, as it was associated with other legislative instruments that resembled those of the period from 1954 to 1989 in which an authoritarian regime governed Paraguay. Like the preliminary draft act, the previously established provisions concerned the creation of special courts within the judiciary to try terrorism-related offences. It also established other provisions that, at the time of their submission to the legislative authorities, were considered to violate basic human rights with regard to individual freedom."
- ³³ S/2003/896, S/2004/589. In both of these reports, Peru confirmed to the CTC that the fact that its Constitutional Court had declared national counter-terrorism laws unconstitutional for breaches of human rights, did not affect the commitment of Peru to implement resolution 1373. As expressed in the first mentioned report: "Declaring the aforementioned laws unconstitutional has had no negative impact on the implementation of resolution 1373 (2001), as the purpose was to repeal the legal provisions which violated the Political Constitution of Peru in substance and form, as well as international human rights standards. By rectifying this situation, national legislation to combat terrorism has been improved and brought into line with international human rights standards."
- ³⁴ S/2005/231. See, section 1.1 of the report.

³⁵ S/2004/255. See, section 1.15 of the report where the questions by the CTC are quoted to include the following: “[C]ould the Republic of Belarus please indicate whether its laws permit, for investigative and evidentiary purposes in the fight against terrorism, the use of methods such as undercover operations; controlled deliveries; pseudo-purchase techniques; the use of informants; the use of other forms of encouragement to persuade persons to supply information to the competent authorities; and the monitoring and/or the interception of communications (such as the Internet, radio, audio-visual media and other advanced communications techniques). Are there any impediments to the use of intelligence data in criminal investigation?”

³⁶ Reference is made to the fact that Belarus has not submitted a report under the ICCPR since 1995 and that in its most recent (1997) Concluding Observations the Human Rights Committee expressed its concern about reports of arbitrary infringements of the right to privacy, in particular of abuses by the authorities in regard to wire-tapping and house searches, and the absence of judicial review of such activities (CCPR/C/79/Add.86, paragraph 15).

³⁷ Bahrain S/2003/1043, El Salvador S/2002/729, Germany S/2002/1193, Latvia S/2002/1370, Slovakia S/2002/730.

³⁸ See, *Mansour Ahani v. Canada* (Communication No. 1051/2002), Views by the Human Rights Committee, 29 March 2004. A similar norm is expressed in article 3 of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. See also, *Ahmed Hussein Mustafa Kamil Agiza v. Sweden* (Communication No. 233/2003), Views by the Committee against Torture, 20 May 2005.

³⁹ See, *Roger Judge v. Canada* (Communication No. 829/1998), Views by the Human Rights Committee, 5 August 2003.

⁴⁰ S/2003/1204. See, section 1.6 where the question by the CTC is quoted.

⁴¹ Australia S/2003/1204. See, section 1.13 where the question by the CTC is quoted.

⁴² South Africa S/2004/170. See, section 1.14 where the question by the CTC is quoted.

⁴³ S/2004/403. . See, section 1.9 where the question by the CTC is quoted.

⁴⁴ See, Commission on Human Rights resolution 2004/44. In the preamble, the Commission expresses serious concern “at the gross violations of human rights perpetrated by terrorists”. In operative paragraph 5, in turn, the Commission “Welcomes the views expressed by the Secretary-General in his report to the General Assembly (A/58/533), considering that terrorism by itself is a violation of human rights.”

⁴⁵ See, Commission on Human Rights decision 2004/118.
